

Блокадникам посвящается Алла Владимировна

рассказывает

- Вы настоящая блокадница!? - спросила Света.
- Поддельная. - беззлобно засмеялась Алла Владимировна, а Света покраснела.
- Простите, - сказала она, - но вы видели блокаду?
- Да! Но мне трудно о ней вспоминать, - сказала грустно Алла Владимировна.
- А я уже третий год в Петербурге, но не разговаривала с настоящими с блокадниками, - говорила любопытная Света и добавила, -то, что показывают по-телевизору или в кино, или же пишут в книгах, не совсем правда, - она, вспомнив девчонок с общежития, сказала тихо, -так девчонки наши говорили, и другие ленинградцы тоже так говорят, но вы мне расскажете правду, да ведь? - и Света смотрела ожидающе на Аллу Владимировну.

Они ехали в Мордовию вместе три женщины в купе поезда «Петербург – Саратов»; юная Света, пожилая седая женщина - Алла Владимировна и Катя, которая раньше жила под Саранском, а теперь живёт в Петербурге и хорошо знает все достопримечательности Петербурга.

И вот, наконец-то теперь Света решила, что узнает всю правду о блокаде, ведь ехать вместе тридцать часов. «Всё, всё у неё выпрошу – думала она, поглядывая теперь на Аллу Владимировну. И всё-таки Света пропустила начало рассказа о блокаде, потому что её всецело привлекли пейзажи за окном вагона. Они проезжали берёзовый лес, когда она услышала, как Катя спрашивала Аллу Владимировну.

- Всё-таки, расскажите правду этой неискушённой душе, а она расскажет подругам в общежитие.

- Не знаю, я стараюсь не ворошить это, - говорила Алла Владимировна, - у меня сердце слабое, - и продолжала начатый разговор, обращаясь Кате,

- Да, я, почитай, уже пятьдесят лет езжу к ней, она с той поры мне, как сестра, ждёт меня, Клавка моя, не дождётся.

В это время поезд сначала дёрнуло, потом плавно поехали, Света снова смотрела в окно на город, который проезжали, когда она вернулась от своих мыслей в действительность в вагона, она услышала, как Алла Владимировна говорила Кате,

- Слава Богу! Я то живая, Он сохранил мне жизнь. Но сколько людей умерло с голоду. И родные мои; дочурка и муж умерли почти одновременно, - прослезившись говорила она.

- Что и муж умер с голоду в блокаду? - спрашивала Катя.

- Нет муж погиб на фронте.

- Сколько же лет вам было тогда?

- Да всего двадцать два. Муж у меня был офицер. Жили-то мы с ним вместе три годика. И так уж хорошо жили, как в сказке, ну а уж дочка когда родилась, он в нас души не чаял. Так уж любил нашу крошку-дочурку. Будто знал, что не долго приведётся её любить. Ала Владимировна промолчала с минуту, и Света жалостливо глядела, как по её морщинистым щекам катятся слёзы и осторожно спросила её.

- А как умерла ваша дочка?

- В тот день, Света, я закрыла её на замок.

- Зачем?

- Чтобы её не съели.

- Кто? - спросила Света.

- Люди, - ответила Алла Владимировна, - поди, вам не рассказывали, что тогда, в блокаду людей ели, - сказала она Свете.

- Да, я читала об этом.

- Ну вот, - рассказывала Алла Владимировна, - кошек и собак всех съели и даже, некоторые голодные люди ели крыс...

- Фу, гадость какая! Конечно, мне об этом не рассказывали, я бы и не поверила бы... как это можно крыс и людей есть?

- А так вот и ели, с голодухи-то, что ни съешь? говорила тихо плача Алла Владимировна.

- И вы тоже ели? - глаза у Светы округлились.

- Нет, слава Богу! Я работала, - говорила Алла Владимировна, - нам немного хлеба давали, правда с опилками, - рассказывала, вспоминая и плача Алла Владимировна, - и то я пополам делила с дочкой. Она вытерла платочком слёзы и продолжала рассказывать дальше, - а в тот, последний день, я её закрыла... и до сих пор казню себя, - снова заплакала она.

Катя обняла Аллу Владимировну и приговаривала,

Успокойтесь, пожалуйста. ведь вы живы и значит надо благодарить Бога за то, что Он сохранил вам жизнь! Ведь, как много тогда умерло с голоду, вон сколько их на Пискарёвке...

- Вы уж меня простите, - перебила Катю, успокоившись Алла Владимировна, - я всегда плачу, когда вспоминаю о блокаде.

- Так, если вам тяжело вспоминать, не рассказывайте, - говорила Катя.

- Нет, я всё-таки, я расскажу Светлане всю правду, а то таких вот обманывают и, как могут теперь, приукрашивают блокаду, пусть Света знает и подругам расскажет правду, - говорила, совсем успокоившись, Алла Владимировна, и обращаясь к Свете сказала,

- Так вот, Светик, мы тогда, еле двигались и пухли от голода! Да, да, не ужасайся тому, что некоторые даже крыс ели! Да мы выжили, но тогда выжило очень мало людей!.. да,ного-много на Пискарёвке лежит!.. - говорила Алла Владимировна, вытирая слёзы, - - Да, вы, молодые должны знать правду!.. Чтобы эти ошибки никогда-никогда не повторять... Кто, кто ответит за миллионы людских жизней?..

- Но, ведь, тогда была война, - сказала Катя, утешая её.

- А кому нужна была она, проклятая?! сами бы воевали, кто затеял эту войну... самое дорогое - человеческая жизнь! - говорила со слезами на глазах Алла Владимировна, она всхлипывая добавила, - люди работали, отдыхали, любили...и на тебе!.. это после блокады я стала понимать, а тогда нам всё твердили, «ради отчизны!»- Алла Владимировна вздохнула и со слезами добавила,

-Кто мне вернёт дочку * у меня бы было на старости лет опора и надежда * что он меня похоронит бы она была бы жива ей было бы уже пятьдесят три года, а тогда...- Алла Владимировна ушла в себя, она вспоминала горькое и печальное, и из

глаз у неё по морщинистым щекам невольно текли-катились крупные слёзы, она тихо снова сказала,

-Тогда я её закрыла и потихонечку ушла на работу, а она то...уж болела...температурила...

Алла Владимировна рассказывала медленно и тихо, после каждого слова останавливалась, и вытирая слёзы платочком. Она рассказывала, - у нас тогда заказ срочный был...да и хлебушка давали там, на заводе... и кипяточка...а дома, хоть шаром покати...да, тогда я ещё решила у начальства какие-нибудь ненужные бумаги попросить.. печку топить... может, думаю, Леночке лучше будет...да и хлебушка, думаю принесу ей...ведь, ребёнок же, не понимает что голод, блокада...она просит и просит есть...ну вот, - рассказывала она со слезами, - выхожу я, значит, на площадку, там трупаляется... я обошла и пошла дальше...выхожу на улицу...вьюга, зги не видно...ну, дошла я значит до Каляева, где трупры штабелями лежали...

- Как штабелями?! - с ужасом перебила её Света, - а что же не похоронили их?

- Некому было, Светланка, - ответила, всхлипнув, Алла Владимировна, - все сами-то еле-еле двигались от голода...весной их комсомольцы похоронили...на "Пискарёвку" свезли...

- И дочка ваша там похоронена? - вмешалась Катя, которая слушала её, прослезившись.

- И дочка тоже. - кивнула головой Алла Владимировна - ну, слушайте дальше,

- Пришла я, значит, на второй день с работы домой..а крошка моя Леночка уже синенькая лежит, плакала она и, вытерев платочком свои морщинистые щёчки продолжала рассказывать, - я села тогда на диван у кроватки ...и забылась...

- Что, и не поплакали? - спросила жалостливо Света.

- Нет, - отвечала Алла Владимировна, - у меня тогда и сил не было... я бы тоже тогда умерла... только вот...на работе схватились и прислали мальчонка, - рассказывала она и продолжала, всё время вытирая слёзы, - меня, значит, тогда в стационар...а потом... через месяц увезли в эвакуацию * по Ириновской дороге увезли...я помню от Финляндского вокзала долго везли...а потом, значит, загрузили на "полуторки" и повезли по льду, по Ладоге..."по дороге жизни"...помню бомбил нас немец всю дорогу...смертушки нашей хотел, значит... но Бог избавил...а уж ближе к Ярославлю, так бомбил, так бомбил, спасу нет!..решил немец проклятый, во что бы то ни стало, поубивать нас...вагон горит...мы все в рассыпную кто куда...я в какую-то воронку...лежу и думаю: «вот и конец мой пришёл!» * смешно теперь вспомнить...я тогдашняя комсомолка, молилась...впервые жизни молилась...все слова вспомнила, которые от своей бабушки слышала и ещё от себя вслух добавила: «Господи, даю Тебе слово, если сохранишь мою жизнь, то я Тебе её посвящу!» ☺ ведь, Светланка, сохранил Он мою жизнь...теперь никто никогда меня не переубедит, что, якобы, нет Бога...Нам и так много лет запрещали верить... Я всем буду до конца жизни говорить, что Бог есть! ☺ сказала она.

Катя до сих пор молчала и сострадательно слушала её, но теперь, нарушив тишину она тихо и осторожно спросила,

-А в Мордовии как, вы, оказались?

- В той воронке я и познакомилась с Клавкой. У неё тётка жила под Саранском, а у меня нигде никого. Она и предложила ехать с ней, в мордовскую деревню. Там вот и нашла я свою семью, - и тихая улыбка осветило на мгновенье печальное лицо,

АллыВладимировны Она вытерла слёзы и сказала, - с Клавкой мы теперь как сёстры не дождётся меня в каждое лето и народ там хороший, простой и гостеприимный язык я, значит, мордовский изучила и теперь разговариваю с ним по-мордовски много у меня там подруг и друзей, - она, вспомнив, тихо улыбнулась и повторила снова, - народ там хороший!

- Ну слава Богу, что вы у нас нашли вторую родину! сказала Катя обнимая ее добавила, - спасибо вам! Честь и слава блокадникам!

- Слава Богу! Слава Богу! -0 повторяла Алла Владимировна и внимательно взглянув на Катю она спросила,

- Неужто ты тоже верующая?

- Да, -улыбнулась ей Катя.

- А в какую церковь ты ходишь?

- В церковь святой Марии, что напротив Д.Л.Т.

- Там же не наша церковь!

- Церковь не может быть наша или не наша, - ответила ей, с улыбкой Катя, - церковь Божий дом! Все христианские церкви Божьи дома и кто верит в Христа, всё братья и сёстры, мы-мордва, - продолжала она с улыбкой, - финно-угры и Слово Божее люди должны читать на своём языке, Алла Владимировна, - Катя продолжала говорить уже без улыбки, серьёзно, - финны перевели на наш язык Библию, и теперь, даже в глухой мордовской деревне могут читать Святое Слово на родном языке, прославлять Его по мордовски, а не по старо-славянски, который язык и не понимают.

- А зачем понимать? Надо верить! - с усмешкой ответила Алла Владимировна.

- Да, конечно, надо верить и любить Бога всем сердцем. Только, как объяснишь мордовским людям, на чужом языке, которую они не понимают, кто такой Иисус Христос и почему Он умер за нас. "Вера через слышанье Слова Божьего." И очень хорошо, что эрзяне и мокшане будут знать Слово на своих языках. Разве же не было у нас своих замечательных песен и сказок?

- Были, - согласилась Алла Владимировна. Я помню одну мордовскую песню, что очень любили петь там в деревне во время войны. А теперь всё больше по-русски поют и разговаривают и многие называют себя русскими, хотя у них все предки были мордва.

- Вот-вот. Скоро мордва совсем обрусят и потеряется, как народ. Ведь потерялись, исчезли многие народы и племена. И мы- мордва можем исчезнуть! Но нам, оставшим, надо сохранять свою культуру, свой язык и гордиться, а не стесняться своего происхождения, и не считать себя людьми второго сорта. Перед Богом все национальности равны.

Бог сказал: "Идите и научите все народы..." А как же научить тех людей, которые не понимают чужого языка и уже им поздно учит какой-либо язык? А они, тоже, любимые дети Бога. Как же они узнают, что они любимые?...

- Наверное ты права, - согласилась с Катей Алла Владимировна, - но ведь, ты, Катя, наверно православная и должна ходить в православную церковь.

- Кому я должна? сказала Катя, - людям-попам или же Богу, но Бог освободил нас от рабства и мы свободны...

Света не захотела, чтобы её «землячки спорили и перевела разговор на другое, она сказала,

- Как вы думайте, моей матери понравится гостинец, что я везу из Петербурга?
- А какой гостинец ты везёшь? - спросили обе женщины.
- Вот, с гордостью сказала Света и развернула платок, доставая его из сумки.
- Ой, какой красивый! □ похвалила Катя, и увидела, как погрустнела Алла Владимировна, она спросила её,
- Что такое, Алла Владимировна?
- Да, я вспомнила, - опять прослезилась та и стала рассказывать,
- Такой же платок мне подарил муж до блокады.
- А где сейчас этот платок? □ спросила Света, опередив Катю, которая хотела спросить тот же.
- В блокаду на хлеб обменяла, - сказала грустно Алла Владимировна.
- Как?! Зачем?! - спросили разом Света и Катя.
- Леночка есть просила, а одна из довоенных «подруг» работала в магазине, хлеб продавала, она ни чего в обмен не хотела, только тот платок, что мне муж подарил, - Алла Владимировна снова заплакала и сказала сквозь слёзы, - ещё подругой называлась ☺ ей мой понравился... ей и муж мой очень нравился * всё бегала за ним, а он верный был, любил меня и дочку *□ а та, подруга, прости Господи её, блокаду хлебом торговала...ох и обогатилась... правда всё это в пользу не пошло. Свои же дети, после войны и убили её * из-за этого самого богатства...которую она во времена блокады нажила на людском горе, - и Алла Владимировна тихо сказала: «Благослови её, Бог!»
- Бессовестная она, а вы ещё "благослави её, Бог!" - сказала Света.
- Бог нас учит: " Молитесь за врагов ваших..."- сказала Алла Владимировна и снова прослезилась "дочку-то всё равно не спасла..."
- Успокойтесь, успокойтесь Алла Владимировна, -говорила Катя, поглаживая её, "Слава Богу, вы живы! Он спас вас!"
- Меня-то спас, но вот теперь на старости лет одна! - отвечала Алла Владимировна, вытирая слёзы.
- Нет, вы не одна, говорила Катя,
- Вы в Боге и Он всегда с вами! и потом, разве в церкви у вас нет сестёр и братьев? Разве Он вам не дал новую семью в Мордовии?
- Дал, конечно дал, - согласилась Алла Владимировна и она уже не плакала, а улыбалась, вспоминая,
- Что греха таить, Мордовия стала моей второй родиной. Там я, как у себя дома. Если бы вы видели, как радуется моему приезду Клавка, как радуются старые люди и маленькие, * я всем привожу маленькие подарки, - говорила она, - но с моей пенсии-то, что купишь? Всё равно приятно, - уже радостно говорила она. А тогда...И она ушла в воспоминания.
- Приехали мы с Клавкой, оборванные, голодные...в Саранск, значит, приехали...сошли с поезда...а нам ещё надо было семь вёрст добираться...а сил уже нет...Клавка, значит, походила возле вокзала, мужика-односельчанина встретила, тот кого-то подвозил...всё-таки не пешком...сани, а уже распутица была ...всё оглядывался мужик, гоня клячу...они что-то говорили с Клавкой по-мордовски... я ничего не понимаю...только и поняла два слова «блокада» и «Митрофановна» ... Митрофановна, так, значит, тётку Клавкину

звали...и в деревне тот мужик, каждому встречному рассказывал о нас и всё «Митрофановна» говорил...а вечером вся деревня у Митрофановны собралась...кто хлеба принёс, кто молока, кто картошки, а кто просто дровишек, печку, значит, топить...мы намытые сидим...нарядные, если так можно назвать, цветастые Митрофановны платья...как невесты сидим, значит, в красном углу, под иконами * перед нам дымящий чугун с картошкой...все мы едим, и все жалеют нас, кто говорит по-мордовски, а кто по-русски ... жалеют нас, значит, как же с самого блокадного Ленинграда приехали * живые, значит, - улыбаясь рассказывала Алла Владимировна. Никто не перебивал её. Света и Катя молча, внимательно слушали её. Алла Владимировна оглянулась и продолжала.

- Работали мы там всю войну. Машин не было и лошадей всех забрали, а мы несколько женщин впрягались в плуг и тащили...а когда кончилась война, я и перебралась в Ленинград...разыскала могилу дочки...какую там могилу!..в общей её похоронили, на Пискаревке, снова заплакала она, - так мне знакомая рассказывала * у неё, тоже, двое мальчишек там похороненны...так вот, мы с ней и ходили все годы на Пискаревку, пока она была живая, а в прошлум году я похоронила её, - закончила свой рассказ Алла Владимировна, и посмотрела на Свету, снова сказала,

- Так вот, Светик, и это расскажи своим подругам.

Любовь Аверьянова
January 24, 2015

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/9524>
© Copyright 2026, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com